

ПРОЩЕНЫЙ ДЕНЬ

Пирогами запахло и шаньгами
В нашей старой крестьянской избе
Староверцы, здороваясь шапками,
Прибывают на званый обед.
Не спеша пробираются в горницу,
Оседают по лавкам у стен,
Прячут руки, усмешливо горбятся
В бесконечной своей простоте.
Да хранят и надежда, и вера их.
День весенний, как праздник, цenia,
Причащаются полною мерою
Золотого, как вербы, вина.
Как завещано им в поколениях,
Самый главный решают вопрос:

Друг пред другом встают на колени
И друг друга прощают всерьез.
Я смотрю на их головы русые,
На печи затаюсь, чуть дыша,
И во мне пробуждается русская,
Крепкой веры и силы душа.
Сколько б лет ты мне, жизнь, ни
отмерила,
Я судьбой не сменяюсь ни с кем:
В детской памяти крепкие метины -
Как зарубины на косяке.

Я СТАНУ

Фермеру А.К. Волкову.

Я стану посреди родной земли.
Отсюда видно далеко – далеко:
Летят, летят на север журавли.
И стаями летят, и одиноко.
Отмерив путь от грани до межи,
Поставлю здесь сосновое строенье
И стану жить в нем,
Просто жить, чтоб жить.
Да, жить, чтоб жить.

И по боку сомненья.
Я каждый миг, как вечность, сберегу
И загляну в его глаза косые.
И может, что-то доброе смогу
В своей стране по имени Россия.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Осенний день - и птицы улетают
Под шумный гай, под ветра дикий свист.
Осенний день - и в роще опадает
С нагих ветвей последний желтый лист.
Осенний день, но солнечного света
И красоты как будто не избыть.
Еще не осень, хоть уже не лето,
И можно жить, надеяться, любить.
Осенний день придет и заморозит,
И завлечет в лесную кутерьму.
Но почему так смутно и тревожно,
Но почему так грустно, почему?

ПОД НЕБОМ РОДИНЫ

Я под небом Родины рожден,
Под суровым, под сибирским небом.
Накрепко запомнил с тех времен
Запах пота и ржаного хлеба.
Верный ее вечной чистоте,
Крохи не отдам на поруганье.
Все на свете сравниваю с тем,
Что своими пробовал руками.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Я люблю тебя грустно и нежно

И не нужно мне доли иной.

Посмотри, как цветут безмятежно

Колокольчики ранней весной.

Что же я все тоскую и плачу

Над своей непутевой судьбой,

Неужели я менее значу

Колокольчика ранней весной?

В МОЕЙ ДУШЕ

В моей душе
Горит свеча
И день, и ночь,
И день, и ночь.
Она сжигает,
Горяча,
И отметаает
Нечисть прочь.
Последний час,
По мне, не час.

Любая боль,
По мне, не боль.
В моей душе
Горит свеча –
Надежда,
Вера
И Любовь.

А ТЫ ПОМНИШЬ?

А ты помнишь ту быструю речку,
Наш укромный причал за мостом?
Речка вьет озорные колечки
Под моим самодельным веслом.
А ты помнишь луга заливные,
Зоревые, шальные года?
И с тобой мы идем, молодые,
Ниоткуда и в никуда.
А ты помнишь те горы Алтая,
Золотые в долинах цветы?

Ах, какая была молодая
И какая красивая ты!
Утекла наша быстрая речка,
Отпылал тот далекий рассвет,
Сгнил причал, утонуло колечко,
Нет весла и тебя со мной нет.

ТЫ - ЖЕНЩИНА

Ты - женщина, в тебе такая сила,
В тебе такая истина видна,
Что будь ты некрасивой иль красивой,
Ты в жизни не останешься одна.
Уж осень скоро желтым листопадом
В твоих краях дороги заметет.
И солнышко в преддверии заката
Под голубыми окнами пройдет.
Простор полей. Окраины лесные.

Крик журавлей. Прозрачность тихих вод.

Пора придет – и в заводи речные

Вдруг опрокинет синий небосвод.

И, может, ты поймешь необходимость

Земных законов, что живут в веках,

Когда весна и радость быть любимой

На заливных останутся лугах.

* * *

Когда я маме по коленку был,
Я так ее любил.

Когда я папе был по пояс,
Я жил ничуть не беспокоясь.

Давно родных на свете нет,
Но сколько бед.

* * *

Как давно это было.
Холодит ветерок.
Ты меня проводила
До развилки дорог.
До развилки, до рощи,
До знакомых раки.
Ветер платье полощет
И траву шевелит.
Эту белую рощу

И небес синеву,
Это платье в горошек
Помню, как наяву,
Эта давняя память
И горька, и легка.
Как внезапное пламя –
Холодок у виска.

МАЛИНОВКА

Где отвесно маленькая речка
Берега крутые подняла,
Не было добычливей местечка
У мальчишек нашего села.
Прибегали мы сюда не даром:
Здесь поклевка важная была,
А над желтым, над высоким яром
Роща белоствольная цвела.
Там на зорях в час определенный
Раздавалось пенье вещей птиц.
Каждую мы знали поименно
И могли по голосу найти.
Но однажды - это было летом,

Срок лесной малине покраснеть –
На холодном краешке рассвета
Кто-то безымянный начал петь.
И откуда блажь взялась такая,
Хуже и придумать мудрено,
Я решил: пусть голыми руками,
Но поймаю птицу все равно.
Ухватившись за большие камни,
Вверх залез по круче вырезной.
Красные, светящиеся капли
Плыли над моею головой.
Только сколько там я ни старался,

Ни пера не добыл из крыла,
Даже не видал ее ни разу,
А ведь знал, что рядышком была.
И с тех пор на перепутьях буден,
Хоть давно для песен вышел срок,
Все ищу малиновое чудо,
Тонкий - с паутинку – голосок.

ВСЯКОЕ В ЖИЗНИ БЫВАЕТ

Памяти космонавта В. Комарова

Всякое в жизни бывает,
Приходит такая пора –
И сизой корой покрывает
Горячие искры костра.
И холодом сердце сжимает,
И голову клонит к земле,
И белой пургой засыпает
Недавно проложенный след.
Всякое в жизни бывает,
А нам еще жить бы да жить.
Земля из под - ног уплывает,
Ломаются виражи.
И резок космический ветер,

И вечная темень близка,
И где-то на доброй планете
В предчувствии вздрогнет рука.
Всякое в жизни бывает,
У бед засекречен маршрут.
А мы все на то уповаем,
Что нас-то они обойдут.

ОЙ ТЫ, РУСЬ МОЯ

Ой ты, Русь моя,
Слезки кукушкины,
Огоньки, да саранки, да лен.
Синий дым
Над родимой избышкою,
Колокольный по праздникам звон.
Ой ты, Русь моя,
Горечь полынная
Оскудевших в недоле полей.
И бессмертная слава
Былинная,
И бесславые теперешних дней.
Ой ты, Русь моя,
Слово заветное,

Неразлучные радость и боль,
Дай поверить
В звезду твою светлую
И в себя мне поверить позволь.
Ой ты, Русь моя,
Грусть златотканная,
Ты осталась на том берегу.
Без тебя,
Моя радость желанная,
Я ни петь и ни жить не смогу.

* * *

О, юность, юность! Зоревые
И предрассветные снега,
Когда легко из дома выйти
И сделать первых три шага,
Когда с тропы, гляди, сорвешься
Иль затеряешься в пути.
А ты смеешься,
Ты смеешься
И песню чувствуешь в груди.

* * *

Роща, ты зимняя сказка.
Воздух как будто замерз.
Неба хрустальная ваза.
Белые плечи берез.
Роща, ты зимняя сказка.
Белых полян забытье.
Там, на тропинках, искал я
Хрупкое счастье свое.

* * *

В дикий край, где голодные волки
Пожирают бродячих собак,
Я уеду охотником вольным,
Прихватив с собой хлеб и табак.
Стану жить в промысловых артелях,
Бить тюленей и рыбу ловить,
Слушать длинные песни метели
И спиртное от холода пить.
А когда здесь откроются речки
И цветы расцветут среди мхов,
Ты прими мне, как память о встречах,
Томик нежных стихов.

* * *

Не любила его девчонка,
Не сердилась и не гнала,
Но при нем хохотала звонко,
Еще ярче при нем цвела.
Не любила его девчонка
Говорила ему: «Смешной»,
Но всегда после всех стороной
Возвращалась одна домой.
Не любила его девчонка.
Может быть, это было так.
Может, он ошибался в чем-то,
Ну а в это поверил, чудак.
От нее он ушел однажды,

Чтоб напрасно себя не травить:
Ничего-то он ей не скажет,
Да и надо ли говорить?
След его замела поземка.
Свет погас в далеком окне.
... Этой ночью одна девчонка
Долго плакала в тишине.

* * *

Ты не забудешь, ты будешь помнить
Сиянье неба в глухую полночь,
Шипенье ливня, раскаты грома,
И листьев шелест, и молний росчерк,
И синь морскую, и гром прибоя
И мы с тобой лишь только двое.

* * *

Мне не надо иного права,
Мои мысли понять не сложно:
Лишь бы знать, что отныне правда
Не оценивается ложью.
Лишь бы только жила уверенность:
Мир со временем станет лучше,
И добро, до конца изверившись,
Не окажется злом подручным.
Лишь бы только жестокость не стала
Нормой жизни в жестоком веке,
Лишь бы только росли кристаллы
Человечного в человеке.

* * *

Что-то стало очень не до книг,
До сознания не доходит слово.
Сердцу захотелось хоть на миг
Вешнего, тревожного, такого,
Чтобы все наполнилось оно
Пеньем трав и ясным светом поля,
Чтобы, как большое полотно,
Не болело, а светилось больно.
Чтобы не стихал в нем вечный зов –
Шум берез и тающего снега,

Стон высоковольтных проводов
На краю мерцающего неба.
Чтобы в нем звенела, как мечта,
Песнь любви без края и начала,
Чтобы, раз родившись, красота
В жизни никогда не умирала.

* * *

Неба синего просторы,
Золотые косогоры,
Плечи белые берез
Да волной звенящий плес,
Грома вешнего раскаты
Да раскосый дождь по хатам,
Белых лилий крепкий строй
В тихой заводи речной,
На лугу звенящий голос
Да в руках растертый колос –
Мир бездонной чистоты.
Чем заменишь это ты?

* * *

Страдой вперед уносило,
течет со лба.
Полные звонкой силы
стоят хлеба.
Как плавно плывут комбайны –
один, другой.
Наверно, совсем случайно
ты здесь со мной.
Машины идут по полю,
от фар – лучи.
Ведь это же зов на помощь –
гудок в ночи.

...Но поздно. На крыльях птичьих
летит волна.

Тихие песни девичьи
несет она.

Легка, коротка дорога
на край села.

Но что ты глядишь так строго,
не весела?

В сердце – тревожна скрипка,
во взгляде – нет,
не верю твоей улыбке,
ведь ты студент.

Скоро надвинется холод,
пойдут дожди,

со всеми уедешь в город –

и жди – пожди...

- До нового урожая,

ждем снова всех, -

колхозное провожанье,

веселье, смех.

Ты лишь стояла в сторонке,

печаль в глазах.

И вздрагивал прутик тонкий

в твоих руках.

* * *

Молодые, горячие руки
дать могли настоящую радость.
Только мы не любили друг друга,
жили так, как предписано браком.
Никогда не цenia откровенность
даже в самом значительном деле,
мы еще и не жили, наверно,
на туманное завтра надеясь.
Без следа уносились на ветер
час за часом, за вечером вечер.
Мы же думали, что их навечно
подарила нам первая встреча.
Но, как видно, всему свое время –
и забавам, и горьким раздумьям.

Срок пришел – обозначились резче,
стали сильными слабые души.

В тридцать лет проявляются круче
и обида, и редкая радость:
мы еще не любили друг друга,
жили так, как предписано браком.

ОБИДА

Как ужасен крик вороний
На закате дня.
Кто теперь меня догонит,
Кто найдет меня!
Убегу на дальний выпас
За черту межи.
Здесь никто меня не выдаст
Пошлости и лжи.
Не охает, не осудит,
До конца поймет,
Ветром голову остудит,
Горе разведет.
От восторга громко вскрикну

Или от росы.
Лепестки цветов налипнут
На ногах босых.
Где простор от света тесен,
Где сочна трава,
Я найду для новых песен
Новые слова.
И рассыплются ромашки
В зелени лугов,
И березка путь укажет
В сутемень стогов.
И погаснет в дальних колках
Солнце до утра.
И запомнится надолго
Запах горьких трав.

* * *

Снова травы заблещут росами,
От тепла повзрослеют клены.
В небе звезд золотые россыпи
Зазвенят свои песни влюбленным.
Все для нас с тобой было дорого
И всегда до наивности мило.
Но, уехав в далекий город,
Ты, конечно, про все забыла.
Словно путник в поисках света,
Молча бродит по улицам память.

На скамейке нашей заветной
Отдыхают другие пары.
Это было не нами замечено:
Боль со временем станет тише.
Никогда такой я не встречу,
Непрощающей, непростившей.

* * *

- Ты куда идешь Лошá?

- На базар, моя душа,
Взять пудовку овсеца
Да копешечку сенца.

- А хозяин что, Лошá?

- Во хмелю, моя душа.
И не сеет, и не жнет,
Почитай, что не живет.

- А хозяйюшка, Лошá?

- Недосуг, моя душа.
Мал на малом за спиной –
Хоть пляши, хоть волком вой.

Путь не близок, не далек
От заката на восток.
Так идет – бредет Лошá,
Не особенно спеша.

* * *

Спит земля, деревья спят.
Утро с ночью спорит.
Журавли домой летят
Вольно, на просторе.
Все летят, они, летят
Крепким дружным клином.
Пробуждается земля
С криком журавлиным

ПО ДОРОГЕ В ЛЮБЧИНО*

Как будто военный корреспондент
Не знавший еще испытаний,
От шумных летучек, от будничных дел
Я еду на это задание.
Горячие строки центральных газет
Отдали приказ торопится –
На первой странице военный портрет,
Застава, Даманский, граница.

*Любчино – село в Оконешниковском районе, родина пограничника, участника боев на острове Даманский И.И. Стрельникова, сейчас носит имя героя (прим. автора)

В сибирской степи начинается март.
Пускай еще будут морозы,
Но им не сломить навесной аромат
Подтаявших почек березы.
И в этот не мною назначенный срок
Я еду в рассветные дали –
Туда, где его начинался исток,
Туда, где любили и ждали.
И я нахожу и теряю слова,
Хоть знаю, что это напрасно,
Когда безраздельно вступила в права

Такая жестокая правда.
И вижу отцовские руки, глаза,
Фуражку на месте иконы,
И мать, порываясь им что-то сказать,
Все гладит, все гладит погоны...

* * *

Всю калину расклевали глухари.
Ты, зима, мне эту ветку подари.
Я возьму ее с собою на лыжню,
Прикреплю ее к ружейному ремню.
Пусть она звенит себе у рюкзака,
Впереди у нас дорога не легка.

* * *

Не с амвона кричать
Не с трибуны трубить.
(Для себя я того не приемлю).
Надо просто беречь,
Надо просто любить
Нашу древнюю
Русскую землю.

СОСНА

Кому, сосна,
Зеленым днем
Зажгла свечу, не мне ли?

* * *

- Айда на речку! –
Донесся клич
Издалека, из детства.

СТЕРХ

Птица, как птица, -
Болотный журавль.
Но в душу запала.

ИВА

Ива – бомжиха
На том берегу
Юбку полощет.

* * *

С ветром и снегом
Взнялась из-под ног
Кегликов стая.

ОСЕНЬ

Глухая, слезливая
Осень – старуха
Стучит в незапертую дверь.

ЗАЯЧЬЯ КАПУСТА

С зайцем на горке
Капусту едим,
Умирая от страха.

* * *

Люблю, любим,
В порядке дом.
Что ж сердце гложет?

* * *

Иголку в сене
И день вчерашний
Нашел, однако.

ЖАВОРОНОК

Живется на свете
И так нелегко,
Да ты еще сгинул.

КАК НА ЭСТРАДЕ

Певчим на смену
Пришла саранча
Да жук колорадский.

ОМУТ

Сквозь черное око
Крученой воды –
Легенды и тайны.

ЕЖЕВИКА

Пока доберешься,
Сто раз упадешь
И руки исколешь.

ЗАВОДЬ

Пряжа из солнца,
Песка и воды –
Приют наш случайный.

ВЕРБА

Желтый комочек
Ранней весной.
Пчела на макушке.

* * *

Лишь дождь проливной
Да жестокий мороз
Мне радость приносят.

* * *

Знакомую женщину
Еле узнал –
По голосу только.

СНЕГИРИ

Красные яблоки
В зимнем саду.
Как давно их не видел.

ЖЕЛНА

Красива. Проворна.
Хозяйственная.
Но голос, но голос...

* * *

Сегодня в деревню
Заехать нельзя
Кресты не пускают.

ИВОЛГА

Ни разу не видел.

Гнезда не зорил.

Лишь голос твой слышал.

КУКУШКА

Загадочней нету
На свете тебя.
Но эта бездомность...

* * *

На кладбище
Гнезда свои воронье
Никак не поделит.

* * *

Не бьет журавель
Журавленка крылом,
Но голосом мучит.

* * *

Вымираем, как мамонты
Или как динозавры.
Доигрались, однако.

* * *

Не можно достигнуть
До неба крылом,
А голосом, словом.

* * *

Ружье пропил.
Собак продал.
А на охоту манит.

ПРИМСТИЛОСЬ

Волк за ухо
Овечку ведет,
А я безоружен.

МОЛНИЯ

Мгновенный свет –
И тьма. И благо.
О, мне бы так!

* * *

А в небе,
Как и на земле,
Есть журавли, есть гуси.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Светлой памяти моего отца
Синкина Ивана Ефимовича.

Созревает земля,
набирается сил,
воды вешние катятся в лог.
Сколько раз
ты по этой дороге ходил -
в этот раз
ты не чувствуешь ног.
Бесконечные думы
не скрыть, не избыть,

замирают и снова бегут.

Сердцем ты далеко –

у заветной избы,

в деревеньке

на том берегу.

И хотя не впервой

бездорожьем таким

налегке

отпечатывать след,

ты заметно устал,

замедляешь шаги,

жадно слушая

что-то в земле.

Ты не молод уже,

много знаешь всего,

видел смерть,
но остался живым.
Из деревни война
лишь тебя одного
обошла
своим рогом кривым.
В том кровавом пиру,
чуть его пригубив,
ты к холодному полю
припал.
Неужели затем,
чтоб потом позабыть,
что, как клятву,
тогда прошептал?
Ты ушел от земли,

по большим городам
непокорное счастье
искал.

А над степью твоей
догорала звезда
и багровый закат
догорал.

Эти годы твои,
как в страду, нележки,
неуверенным был
каждый шаг.

В непривычных заботах
седели виски,
в горьких думах
грубела душа.

Но того, кто навечно
приписан к земле,
кто землей
и рожден, и крещен,
не удержишь ничем,
словно пулю в стволе,
если он от земли
отлучен.

Потому и сейчас,
как подбитый журавль,
ты спешишь
непогоде назло,
уж давно бы тебе
быть на месте пора,
да мешает

больное крыло.
И, наверно, ничем
не залечишь его,
как бы ни было
трудно в пути,
все зависит теперь
от тебя самого,
переправа
всегда впереди.
Если только захочешь,
ты можешь сказать:
«Помоги,
надо срочно туда».
Старый добрый паромщик,
с усмешкой в глазах

тебе руку на сходнях
подаст.
Эта шалая в речке вода –
не беда,
лишь бы лед
поскорей проходил.
Сколько разных людей
перевез он туда,
все же чаще
оттуда возил.
И весной,
и по стылой осенней поре
то один,
а то целой семьей
машут шапкой с обрыва,

кричат на бугре,
зазывая
на берег другой.
Он, конечно, поможет,
конечно, придет
по хорошей,
по буйной воде,
невысокую плату
за это возьмет,
немудренный багаж
оглядев.
И тебе он поможет:
ты едешь туда.
Он расспросит тебя
обо всем:

- И надолго ли к нам?

- Навсегда.

- Навсегда? Что ты, парень,
с твоим-то умом!

Подобреет в руках
кормовое весло,
поплывут вам навстречу
дома...

Как же ты опустело,
родное село,
так пустеют к весне
закрома.

О, как горько нужна ты,
пора перемен,
и надежных сортов

семена,
чтоб на смену тяжелой
холодной зиме
вышла ранняя эта
весна,
Чтоб вздохнув посвободней,
степная река
начала
свою раннюю речь,
чтоб надежно связал
меж собой берега
этот первый
значительный рейс.

* * *

Тихо в доме у Стоговых.
Стынет вода.
Синим пламенем
окна горят.
Говорят,
без хозяина дом - сирота,
только мало ли что
говорят.
Хоть открыт он пурге
и колючим ветрам,
в нем, как в дедовской шубе,
тепло.
Молодым

и звенящим вокруг тополям
полюбилось
степное село.
Крепко встали они,
как стальные щиты,
закрепясь
на крутом берегу.
И дорожки, и тропки,
и просто следы
в этот дом,
словно вести, бегут.
Необычного в том
не ищи ничего,
ну, а если поверишь
молве,

знай, Настасья Петровна,
хозяйка его,
самый нужный в селе
человек.

Ей приносят на суд кто мечту,
кто беду,
В добрых снах
разуверясь совсем.

Только чаще сюда
ненароком идут -
не за делом,
а так, ни за чем.

и, наверно, находит здесь
каждый свое,
коль слова

так теплы у людей,
и у Саньки,
бедового сына ее,
Что ни год,
то все больше друзей.
Он на речке,
на вольных полях вырастал,
От обиды не
прятал лица.
В этом доме
пятнадцать апрелей встречал,
половину из них - без отца.
Да и нынче весной,
лишь в окрестных полях
Для работы земля

подойдет,
он со всеми в отряде
на равных правах
трактор свой,
чуть гордясь, поведет.
И уже не услышит,
что мать на заре
Звонко крикнет вдогонку
с крыльца,
И того, что она,
разом вся постарев,
Тихо скажет потом
про отца.
...Тихо в доме у Стоговых.
Стынет вода.

Синим пламенем
окна горят.
Говорят,
без хозяина дом - сирота,
только, может,
не зря говорят?
Как-то вдруг, незаметно
закат догорел,
белый месяц
повис над трубой,
от дневных оторвавшись
несчитанных дел,
Настя поздно
вернулась домой.
Только дома опять,

вся заботой полна,
не сложила
натруженных рук,
еще долго стирала
и мыла она,
но слышался
медленный стук.
Быстро дверь отворила,
кто там не узнав,
подчиняясь привычке
простой.
И вошел вслед за нею,
притопнув в сенях,
кто-то сильный,
большой и чужой.

Не поверив своим
изумленным глазам,
прислонилась к стене,
чуть жива:
как в недавние годы,
как вечность назад,
к ней шагнул от порога
Иван.

И опять, как тогда,
что сказать ей, не знал,
улыбаясь
тепло и светло.

По каким-то особым
приметам она
поняла,

как ему тяжело.
Что, выходит, напрасно
он что-то искал,
коль сюда
возвращается вновь,
Что уже устоялось,
все напрочь сломал
зов земли иль семьи –
все равно.
Встало в памяти вдруг,
что нельзя позабыть,
Настя руки ему
подала.
По-иному она
не могла поступить.

Не могла,
потому что ждала.
Вышли в поле с рассветом.
Вот так бы всегда -
без указок, упреков,
угроз,
чтобы каждая в землю
легла борозда
основательно, честно,
всерьез,
чтобы каждое семя
к земле приросло
и теплом наливалось
спеша.
Сколько горьких ветров

над тобой пронеслось,
хлеборобская
песня - душа!
Сколько бурь-суховеев
и поздних дождей
прохлестало
по стеблям жнивья!
Но от этого все же
не стала черствей
безымянная
верность твоя.
При желанном достатке,
при горькой нужде
люди свято в себе
берегли

неотправленный груз
постоянных надежд
на могучую щедрость
земли.

И, наверно, поэтому
каждой весной -
так прошли уже сотни
веков -
в разрыхленную землю
бросают зерно
и не знают,
что будет с того:
иль появятся всходы,
крепки и свежи,
или сгибнут,

пробившись едва...
Ты вернулся к земле,
где родился и жил,
что ты можешь сказать ей,
Иван?
Что ты помнишь тревогу
тех давних ночей
и страды
нарастающей фронт,
неразменного золота
чистый ручей,
уплывающий
за горизонт,
обжигающий радостью,
яростный день

с горьким дымом костров
натошак,
перекрестные взгляды
нездешних людей
в обтекаемых
серых плащах?
То, что было, то было,
что будет - в тебе,
в этом поле
и сыне твоём.
Это надо когда-то
усвоить себе,
чтоб потом
не жалеть ни о чём.
То, что было, то - было.

Страшной испытать
всю бесплодность
затраченных сил,
если сын твой, взрослея,
начнет повторять
те ошибки,
что ты совершил.
Если он с самых ранних,
заглавных шагов
не поймет,
где начало начал,
и, совсем отойдя
от родных берегов,
не найдет
постоянный причал.

Не высоких имен,
не новейших систем -
в них не главная нынче
нужда -
ждет земля от людей
бескорыстный посев
доброй воли, ума
и труда,
как в июне дождя,
справедливости ждет
и надежной защиты
от бед.
Главный срок подошел,
дальше ждать - не расчет:
к борозде - борозда,

след - во след.

И плечо о плечо,
чтобы наверняка,
честно сделать
работу свою.

Замерла на штурвале
литая рука,
непривычно дрожа,
как в бою.

Поле в мареве тает,
ломаюсь вдали,
горизонта не видно
совсем.

Майский день до краев
белым зноем налит.

жатве есть продолжение –
сев.

А твое продолжение –
весенний разлив,
это горькое солнце,
как соль,
запах свежей,
раскрытой для зерен земли,
вызывающий раннюю
боль,
долгожданная радость,
что жизнь колоска
не угасла
на долгом пути...
Может, здесь ты найдешь,

что так долго искал,
а возможно,
что все впереди.
Только что бы ни случилось,
на все времена
ты и сыну
наказ дашь такой:
если сеешь добро,
не жалея семена -
урожай их окупит с
лихвой.

